

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА «ЖЕНИХ-ЗМЕЙ». МОРФОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

В предисловии к сборнику «Китайские народные сказки» (1972) Б.Л.Рифтин упоминает, что китайские фольклористы почти ничего не сообщают о самих сказочниках за исключением Цинь Ди-ньюй, старой крестьянке, от которой в 1954 г. была записана сказка «Жених-змея» и которая, как сообщается, слышала её в детстве от матери, а та, в свою очередь, переняла от своей матери¹.

Нет никаких сомнений, что перед нами классическая волшебная сказка с сюжетной линией *подменная жена* и – шире – *правда выходит наружу*². Сомнения возникают в связи с алгоритмом её сложения. По способу нанизывания мотивов на сюжетную нить, это очень странная сказка. За основу была взята сказка типа «Аленький цветочек». Это видно по завязке, или мотивам, заполняющим первую большую моти́фему. Но в целом эта сказка рассказывается по шаблону какого-то китайского варианта сказки «По колена ноги в золоте, по локоть в серебре» (Аф. 287). Хорошо виден сам шаблон, видны и смежные сказки, из которых заимствуются мотивы. Вообще любая сказка складывается (верстается) одновременным подглядыванием назад и по сторонам. Странность этой сказки состоит в том, что многие мотивы никак не связаны по вертикали, т.е. последовательность мотивов обусловлена лишь связью мотивов сказки-шаблона в тех же строках матрицы: $A \rightarrow B \Rightarrow C \rightarrow D$.

О чем идет речь, станет понятно из рисунка классической волшебной сказки с точки зрения её морфологии (композиции)³.

¹ Рифтин Б.Л. Герои и сюжеты китайских сказок // Китайские народные сказки. М., 1972, с. 23

² Ср.: сказка «Чудесная дудка» (Аф.244)

³ См. П.Л. Белков. Как сложить сказку. Перечитывая Морфологию сказки В.Я. Проппа // *ethnomanuscripts.ru*

К этому следует добавить, что трем большим мотивам сопрягаются три основных персонажа: *агонист, протагонист, антагонист*. Так что классической волшебной сказкой мы назовем сказку с чистой схемой, как мотивемной, так и персонажной. Конечно, конкретные сказки никогда не достигают идеала, чему препятствуют законы поэтики.

[NB Во многих волшебных сказках трехмотивемная структура сочетается с как бы «смазанной» персонажной схемой, имея в виду нечеткие контуры агониста, что связано с неполным противопоставлением агониста и антагониста – «реликтовым излучением» первобытной сказки.]

Рассмотрим сказку «Жених-змея» на соответствие двум упомянутым схемам, конечно, с учетом того (еще одна тонкость!), что данная сказка внешне выглядит как двухходовая, или, чтобы легче воспринимать сказанное, делится на две части: *до свадьбы* и *после свадьбы*. Для простоты рассмотрения «разрежем» эту сказку на части, по ходам. Сложность описания сказок, как и других фольклорных форм, состоит в том, что мы должны находиться одновременно в разных местах (мотивах) повествования и – даже – в разных сказках (сюжетах). Эта сложность непреодолима, поскольку она есть не что иное, как следствие самого процесса *исполнения* (= *сложения*) сказки.

Жених-змея (Китайские народные сказки, 1972)	«По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (Аф.287)
Жили-были старик со старухой и было у них семь дочерей. У шестерых волосы длинные, красивые, а у седьмой плешь. Старуха посылает старика к змею нарубить золотых цветов. Старик роняет свой топор Золотое лезвие в нору змея. Тот обещает вернуть топор, если старик отдаст ему в жены дочь. Шесть старших отказываются выйти за змея: «Не пойду, вонючий он!». Седьмая дочь соглашается с условием, что змей даст большой гребень. Она расчесывает волосы , отправляется в путь с отцом. Змей отдает топор Золотое лезвие. Девушка становится его женой.	Жил-был отец и три дочери. Дочки идут на реку стирать белье. Мимо едет сын короля и подслушивает разговор девушек . Одна говорит, что, если выйдет за сына короля, обошьет весь двор, вторая – накормит весь двор одной булкой, а третья – что родит двух сыновей «на лбу по месяцу, на затылке по звездочке». Королевский сын женится на той, которая обещала родить чудесных сыновей. Через год она беременеет.

На взаимосвязь сказки связь со сказкой «Аленький цветочек» (= «Заклятый царевич», Аф.276) указывает как форма (внешние очертания) мотивов, так и порядок их распределения вдоль сюжетной линии (оси).

Младшая дочь «не от мира сего». Её необычность проявляется в облике (плешь) или просьбе (аленький или «этакий» цветок). Там дочь посылает отца к змею за аленьким цветком, здесь старуха посылает мужа к змею за золотыми цветами. Там купец, сорвав драгоценный цветок, *попадает* в плен к змею, здесь золотой топор старика *попадает* к змею, т.е. *падает* в его нору. Там купец получает жизнь в обмен на первого, кто его встретит по приезде домой, здесь старик получает топор в обмен на одну из дочерей (ср. мотив *выкупа*

золотого предмета у чудесного пленника в европейских сказках). Там первой навстречу выбегает младшая (третья) дочь, здесь пойти замуж за змея соглашается младшая (седьмая) дочь. Эта же линия просматривается в сказке про чудесных детей. Обещание родить двух сыновей «на лбу по месяцу, на затылке по звездочке» морфологически эквивалентно просьбе привезти аленький цветочек. И во всех трех случаях девушка оказывается во дворце «сказочного» жениха, короля или змея, уже в качестве жены – условно или безусловно.

Отличие между тремя сказками заключается в следующем. В сказке «Аленький цветочек» отправка является завершением первой большой мотивемы, и в целом эта сказка одноходовая. В двух других сказках *отправка* (= замужество) завершает начальные ходы с тем различием, что в сказке «По колену ноги в золоте, по локоть руки в серебре» первый ход образует одномотивное повествование, а в сказке «Жених-змея» первый ход «претендует» на трехмотивное строение за счет использования дополнительных мотивов.

Говоря иначе, при стягивании вершин графа (зд. мотивов, или действий) сказки «Жених змея» возникает одномотивная схема, или миф, который заканчивается не смертью протагониста, а свадьбой. В данном случае свадьба топологически, или, по Проппу, морфологически (\neq символически), эквивалентна смерти, поскольку является следствием нарушения / вредительства в отношении протагониста. В китайской сказке отец предлагает змею в обмен на топор с золотым лезвием отдать одну из дочерей; в русской сказке сын короля подслушивает разговор, в котором одна из девушек обещает родить двух чудесных сыновей. Таким образом, это по определению первые ходы сравниваемых сказок, поскольку они обладают целостностью самостоятельного повествования.

Дополнительные мотивы появляются в первом ходе сказки «Жених-змея» за счет использования в качестве шаблона сказки типа «Морозко», а китайская традиция, несомненно, знает сказки подобного типа (см. сказку «Птица чжаогу» из того же сборника). Мотив испрашивания согласия дочерей выйти за змея вполне достаточен для реализации значения (мотивемы) отправки, однако Цинь Ди-нью добавляет еще два мотива.

1. Мотив требования к змею прислать большой гребень и припева расчесывания волос, которые становятся вдруг длинными и красивыми (плешь пропадает), соответствует тройному испытанию падчерицы Морозкой (Морозом):

<p>Падчерица ведет себя смиренно и Мороз одаривает ее богатым приданым:</p> <p>Надела она (платье, шитое и серебром и золотом) и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.</p>	<p>Седьмая дочь требует большой гребень и расчесывает волосы, которые становятся необычайно длинными:</p> <p>Первый раз расчешу – до большой дороги дотяну. Второй раз расчешу – до змеиной норы дотяну. Третий раз расчешу – до зеленого кана достану!</p>
--	---

2. Мотив припевки с описанием каравана с богатствами соответствует мотиву вознаграждения падчерицы и вещи собачки:

<p>А собачка под столом:</p> <p>«Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!»</p>	<p>Вмиг расчесала девушка волосы и отправилась в путь: Вол румяна везет, конь – пудру. Верблюды десять кусков парчи тащат. Воробьи веревку с красным концом. Ласточки – бутылки с разноцветным вином несут. Золотистый баран – таз для умывания.</p>
---	---

Перейдем к рассмотрению второго хода сказки «Жених-змея» также с помощью таблицы:

<p>Жених-змея (Китайские народные сказки)</p>	<p>«По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (Аф.287)</p>
<p>Вторая сестра отправляется навестить седьмую сестру. Она становится гостьей в доме змея и в его отсутствие уговаривает младшую сестру отдать ей свою одежду. Они идут на реку, вторая сестра сталкивает меньшую в воду, а сама возвращается и выдает себя за жену змея. Змей спрашивает, почему у жены рябое лицо и большие ноги.</p> <p>[Змей идет на реку поить коня; на берегу сидит зеленый попугай с красным клювом и причитает, ругая змея за то, что тот живет со своей свояченицей. На третий день змей начинает подозревать, не его ли это жена обернулась попугаем. Он произносит заклинание: <i>Острый язык, вредный язык, Не моя ты жена – живо сядь на коня, Моя ты жена – влезь ко мне в рукав.</i> Попугай влетает ему в рукав, он приносит его домой и наказывает беречь попугая.]</p> <p>Попугай в отсутствие змея уличает сестру, повторяя одну и ту же формулу. Сестра топит попугая в чане с водой и варит из него суп. Подавившись косточкой, выбрасывает мясо за дверь. На том месте вырастает финиковое дерево с кислыми-прекислыми плодами, которое рвет одежду на второй сестре, а осинный рой на дереве жалит её. Вторая сестра рубит дерево, делает из него скамейку, но из скамейки вылезает колючка, которая колет злодейку, и та рубит скамейку на куски и бросает в печь.</p> <p>В полночь змей слышит звук ткацкого станка. За станком сидит седьмая сестра и ткёт шелк. Она просит не обнимать её, так как у нее еще кости не выросли: он должен сделать из снега для неё платье, из цветка дикой сливы – лицо, из веток – кости, тогда она станет такой как прежде. Меньшая сестра становится еще краше, а злодейку вторую сестру змей прогоняет. «И стали они с женой снова счастливо жить».</p>	<p>Король уезжает. Жена рождает двух сыновей: «на лбу по месяцу, на затылке по звездочке». Пишет письмо королю. Посланный с письмом слуга заночевал у сестры королевы, не зная, что она её сестра. Сестра вскрыла письмо, вымарала написанное и написала, что королева родила: «ни уж, ни гад – ни знать, што привяла». Слуга догоняет короля. Передает письмо. Король отвечает: «Што ей бог дав, то няхай не тращиць без мене». На обратном пути слуга опять заехал к сестре, которая переписала письмо: «пакуль ён вернецца, каб пахаваць тые сыны». На дворе выкопали две могилы и детей похоронили. Выросли две явары – золотая ветвь и серебряная. Приехал король и за то, что похоронили без него, прогнал жену. Король женится на сестре жены.</p> <p>Фальшивая жена требует, чтобы уличающие ее явары срубили и сделали ей ложе. Потом приказывает разрубить ложе, сжечь и пепел высыпать на дорогу. Пастух гонит овец по дороге, одна овца «ухватила пеплу», родились два барана: «на лбу по месяцу, на затылке по звездочке». Жена требует зарезать баранов, а кишки выбросить на улицу. Прежняя жена вышла, кишки подобрала, сварила и съела. Рождаются два сына: «на лбу по месяцу, на затылке по звездочке». Сыновья растут, шапочек не снимают.</p> <p>Король захотел послушать сказки. Ему сказали, что есть два брата, которые умеют сказки рассказывать. Братья приходят к королю и рассказывают, как сказку всю историю своего рождения, своих похорон и прочее, вплоть до того, как их мать подобрала кишки, сварила, съела и снова родила. Кланяются, снимают шапочки и освещают весь покой. Другую жену «на железную барану расцугали, а первую король взял обратно.</p>

Графически рассматриваемые нами сказки можно изобразить посредством раскраски трех больших мотивем:

Жених-змей	Заклятый царевич	По колена ноги в золоте, по локоть в серебре	Морозко	Буренушка
Испытание	Выдача	Выдача	Гонение	Испытание
Прятки Подмена	Преследование	Подмена	Испытание	Подмена
Обличение Сбрасывание Преследование	Преграда Одоление	Преследование	Преграда Гибель	Плач
Знак Новое лицо	Снятие заклęcia	Разоблачение	Наказание	Снятие заклęcia
1	2	3	4	5

[Примечание. К четырем упомянутым сказкам добавим декартово произведение сказок «Буренушка» (Аф.101) и «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (Аф. 260). Ср.: дерево, выросшее из останков животного, птички или осы, сбрасывание в воду, обращение в птицу.]

Как можно видеть, по своей структуре каждая сказка – это «дама с прошлым». Понять смысл (раскрыть секрет ее целостности) сказки означает понять её структуру, а делается это через изучение её строения относительно других сказок. В нашем случае предварительный анализ показывает, что сказка «Жених-змей» по своей композиции более всего напоминает сказку «По колена в золоте, по локоть руки в серебре» (Аф. 287).

Исполнительница сказки украсила первый ход мотивами, взятыми из сказки о гонимой падчерице, которая с учетом китайских реалий может оказаться невесткой или младшей дочерью. Однако деление первого хода на две мотивемы – *выдача* (нарушение), *испытание* – не имеет морфологического характера, представляя собой лишь элемент поэтики сказки. По сути, первый ход сохраняет одномотивемную структуру *выдачи*. Так что теоретически можно предположить, что поэтика (мотивы) и морфология (мотивемы) сказки

связаны между собой так, что мотивы «помнят» структуру той сказки, из которой они перенесены.

Сохранение одномотифемной структуры первого хода сказки «Жених-змей», вытекает как раз из того, что добавленные мотивы никак не связаны между собой и другими мотивами по вертикали, не оказывая никакого влияния на ход действия. Их задача в указании на богатство внешне безобразного жениха, хотя где-то в исходном локусе это есть не что иное, как богатое приданое, полученное от чудесного испытателя. Следовательно, в одном из прошлых состояний сказки доминировала сюжетная линия о заклятом царевиче.

С другой стороны, добавление мотивов из сказки о гонимой («бедной родственнице») делает мотивы второго хода сказки «Жених-змей» в целом сопоставимыми с мотивами из третьей моти́фемы того ряда сказок о гонимых младших членах семьи, в которых старшие члены семьи, стремясь получить богатство тем же путем, погибают от руки чудесного испытателя. В сказке «Морозко» падчерица противопоставляется родной дочери (дочерям) мачехи, в сказке «Жених-змей» седьмая сестра – второй сестре.

На примере китайской сказки «Жених-змей», несомненно аутентичной традиции, из которой она была извлечена с помощью этнографической записи, мы столкнулись с довольно необычным явлением, когда вроде бы рядовая сказка вбирает в себя слишком большое множество других сказок. Отсюда возникает некое подобие парадокса Рассела. И утверждение, что она представляет собой целое, и утверждение, что она не представляет собой целое, оба оказываются неверны. Сказительница натаскала мотивы из многих сказок, но мотивы «помнят» о тех сюжетах, в которые они были включены, а это приводит к нестыковкам в строении сказки.

Наконец, в нашем случае возникает еще одно противоречие. Сказка по месту жительства китайская, а сказки, сопоставляемые с ней, приходят из афанасьевского сборника. Неужели же китайская крестьянка годами штудировала сборник «Народные русские сказки» А.Н.Афанасьева? Вряд ли.

Возможно, сказительница рассказывала эту сказку впервые (премьерный показ), поэтому в ней не сходятся концы с концами. Данная сказка, что называется, не натвержена, не обкатана. Она держится с основным на поэтике, т.е. подборе мотивов по их внешней форме, имея в виду их прямое значение и примерное местоположение относительно начала, середины, конца. Здесь не избежать появления «лишних деталей». В частности, этим объясняется появление ближе к концу сказки мотива, состоящего из двух фраз:

«Вышел муж из дому, смотрит – вместо рваных носков на нем новые, а на шапке золотой шарик появился. Пошел он обратно, смотрит – новые носки в атласные превратились, а на шапке серебряный шарик появился».

Этот мотив помещается между мотивов нападения чудесного дерева на подменную жену – сначала она цепляется за дерево, порвав носки и штаны, а затем с дерева поднимается осиный рой и жалит её – и мотивом рубки дерева в отместку за порчу имущества и осиные укусы. Заметим, что мотив осиного роя соответствует мотиву птичек, не подпускающих соперниц («того и смотри – глаза выключот»), из сказки «Буренушка», а мотив цепляния подменной жены за дерево – мотиву из сказки «Крошечка-Хаврошечка»:

«Сестры хотели их (яблочки наливные. – ПБ) сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли».

С точки зрения истории данной сказки, обращает на себя внимание и тот факт, что мотив (образ) чудесного дерева из сказки «Жених-змей» перевернут «вверх тормашками» по отношению к мотиву из сказок «Буренушка» и «Крошечка-Хаврошечка». Здесь плоды кислые-прекислые, там – сладкие. Один и тот же мотив с противоположными знаками. Это понятно, так как в первом случае надо срубить дерево, а во втором – поднести его плоды. То есть это, действительно, один и тот же мотив, но используемый с разными целями.

Исходя из своего значения для хода действия, данный мотив с золотым и серебряным шариком, как кажется, может быть легко исключен, ибо он выглядит инородным телом по отношению к предлагаемой кумуляции: сначала срубленное колючее дерево, затем изрубленная колючая скамейка. Однако без мотива появления золотого и серебряного шарика (надо бы в обратном порядке!), невозможно перейти к заключительному мотиву трансфигурации – мотиву появления у младшей сестры нового, красивого лица⁴. Конечно, если ориентироваться на прямое значение этих двух мотивов, никакой логической связи между ними не существует.

Здесь надо смотреть в ту сторону, в которую смотрит сказочница. А смотрит она в сторону того типа сказок, где трансфигурации героя предшествует мотив *трудной задачи* в виде предъявления чудесных предметов (по сказочному правилу, серебряных и золотых) из «того» царства как знака возвращения: *муж на свадьбе жены / жена на свадьбе мужа*. Ср.: сказки ряда «Три царства – медное серебряное и золотое» (Аф. 128 -130). Таким образом, при анализе сказки «Жених-змей» следует привлечь к рассмотрению также эту

⁴ Вполне вероятно, что неизвестная нам китайская сказка на сюжет подменной жены, послужившая шаблоном (образцом) для сказки «Жених-змей», восходит к очень древнему мотиву досказочной эпохи, который можно обозначить как *девушка / юноша с некрасивым лицом*. – ПБ.

сказку, т.е. добавить к таблице 6-й столбец⁵ (см. выше), что само по себе не является пределом, ибо она тоже имеет свою историю и своих соседей.

Так, на основе сказанного выше можно предположить, что в момент первого крещения сказка может выглядеть довольно неказисто, совершенствуясь лишь от исполнения к исполнению. Речь идет о методе постепенного сближения поэтики и морфологии (структуры). Подгоняя мотивы по вертикали, сказочник тем самым бесконечно стремится к воссозданию близкой к безупречной трехмотивемной структуры. В этом плане Цинь Ди-ньюй вполне уверенно чувствует себя в рамках двух групп трансформаций мотивов, перемещений и проецирований, но за недостатком времени не справляется с наиболее трудной группой трансформаций в виде топологий.

Если попытаться свести воедино и назвать своими *метаименами* высказывания Проппа, помещенные в главе «Сказка как целое» его книги «Морфология сказки», можно сказать, что борьба морфологии и поэтики волшебной сказки является законом волшебной сказки. Первое воплощает ограничение, второе – свободу. Как пишет Пропп: «Сказочник свободен в выборе языковых средств. Эта богатейшая область не подлежит изучению морфолога, изучающего строение сказки. Стиль сказки представляет собой явление, которое должно быть изучено специально»⁶.

Литература и – в наивысшей мере – драматургия – унаследовали это свойство волшебной сказки. «И такова сила нашего воображения, – пишет Монтескье, – что если пьеса хороша, то, хотя бы мы смотрели ее тысячу раз, наше волнение, смею сказать, наше неведение относительно ее развязки не исчезнут. Действительно, мы бываем слишком поглощены всем происходящим на сцене и потому воспринимаем лишь то, что нам говорят, и то, что должно случиться по ходу действия. Все, что мы знали, все, что сохранилось лишь в нашей памяти, уже не производит на нас никакого впечатления»⁷. В этом отрывке Монтескье идет по следам «Поэтики» Аристотеля.

Однако мы так и не ответили на вопрос: как возможно, что китайская народная сказка оказывается полностью сложенной из мотивов, которые видоизменены под реалии традиционной китайской культуры, но которые практически безошибочно узнаваемы не только по русским народным сказкам, но и по немецким сказкам братьев Гримм? Ответ может быть таков. Сказки группируются по языкам, ареалам, репертуарам сказителей, образуя собой некие «культурные круги», а эти круги естественным для сказок образом стремятся стать равномошными множествами сюжетов и мотивов, поскольку численность отраженных в них стандартных бытовых ситуаций далеко не бесконечна, будучи ограничена одним «хозяйственно-культурным типом».

⁵ Если вспомнить одно наблюдение М.К.Азадовского по поводу техники рассказывания сказок, шесть сказок, рассказанных подряд – это предел. – *ПБ*.

⁶ См. Пропп В.Я. Морфология сказки. М., с.102.

⁷ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955, с.758.

Оборотной стороной указанного феномена выступает то обстоятельство, что каждая отдельная сказка вбирает в себя все возможные сказки по принципу открытого множества. Для того, чтобы понять и изучить конкретную сказку в некоторой бесконечно отдаленной точке, необходимо пройти вдоль и поперек весь корпус сказок как существующих, зафиксированных и незафиксированных, так и тех, которые никогда не исполнялись, но могли бы быть исполненными (созданными), причем с добавлением коэффициента на многочисленные связи с другими фольклорными жанрами, в том числе историческими, а также со всевозможными обрядовыми действиями. В данном отношении показателен грандиозный опыт, поставленный Фрэзером: от золотой ветви, сорванной Энеем, до ветки омелы, пронзившей Бальдера.

При этом, поскольку мы имеем дело с феноменом этнической непрерывности, возможна смена пола главного персонажа. Сказка «Жених-змея» начинается от мужской сказки «Аленький цветочек» («Заклятый царевич»), но, будучи спроецированной на женскую сказку «По колена в золоте, по локоть в серебре», она тоже становится женской сказкой. Более того: поскольку эта сказка, рассказана женщиной, в ней появляется очень сильный акцент на мотивах *узнавания*. Поэтому история о том, как настоящая жена была возвращена в дом под видом попугая, приобретает форму довольно сильно раздутой третьей большой мотифемы. Задним числом этот спонтанный, женский, поэтический прием, который однажды был замечен тем же М.К.Азадовским (см. стр. 8, прим. 3) придает сказке «Жених-змея» недостающую ей морфологическую целостность.

Тогда при чтении с конца и при счете на целые ходы сказка «Жених-змея» приобретает структуру сказок о Спящей красавице (Шиповничек, Гримм 50).

	Шиповничек (Гримм 50)	По колена в золоте, по локоть руки в серебре (Аф. 287)
1.	Сказ о чудесном рождении героини	Сказ о чудесном замужестве героини.
2.	Сказ о заклятии, наложенном злой феей на героиню	Сказ о появлении в доме героини старшей сестры.
3.	Сказ об исполнении заклатья и снятии его странствующим королевичем.	Сказ о подмене героини старшей сестрой и ее возвращении в качестве настоящей жены.

Но в этом случае срединным элементом, или определителем, сказки становится мотив «попугай у воды ругается на змея», что соответствует мотиву плача у воды козленочка из известной русской сказки и его аллоформам. Следовательно, в конечном счете, верно, что эта сказка подпадает под классификацию сказок с сюжетной линией *правда выходит наружу*. Сказки классифицируются по последнему ходу.

27 января 2020 г.